

шенное внимание, которое в его труде уделялось вопросам взаимоотношения Церкви с великокняжеской, а начиная с XVI в. царской властью. Главное, с чем связывает историк Платон выполнение русским священством своего пастырского долга, это добросовестность в вере подавляющей части русского духовенства. Русские православные иерархи никогда не выступали виновниками многочисленных мятежей и междоусобных раздоров, почти постоянно возникавших между князьями на почве имущественных или территориальных споров. Они усматривали свою первейшую миссию в примирении князей и предотвращении пролития христианской крови. Платон приводит многочисленные факты, зафиксированные в летописях, когда именно вмешательство церковных иерархов предотвращало кровопролития.

В правление на Киевском престоле великого князя Мстислава Владимировича (1125—1132) его зять, князь Всеволод, согнал с Черниговского княжения своего дядю Ярослава. Тот обратился за помощью к Мстиславу, ссылаясь на его клятву как старшего брата не давать младших братьев в обиду. При этом многие бояре Мстислава были на стороне Всеволода и советовали великому князю не начинать войны. Но Мстислав не хотел нарушать княжеской клятвы.

В сие время — повествует Платон — у Мстислава, как и раньше у его отца, Владимира Мономаха, был в великом почтении игумен Андреевского монастыря Григорий. Он настойчиво советовал великому князю войны не начинать. И когда Мстислав начал ссылаться на клятву, данную Ярославу и братьям, игумен Григорий сказал ему: «„На мне буди той грех, что преступиши крест; то бо есть легчайшее, ежели пролияти кровь христианскую“. И весь священный собор тоже рек: „На нас будет грех, сотвори мир“» (I, 78). И великий князь поступил по их воле, хотя и плакался о нарушении клятвы до конца жизни.

Некоторые летописцы, по словам Платона, поступок сего игумена осуждали. Сам он отказывается принимать чью-либо сторону, ссылаясь на неясность всех обстоятельств дела. Но характерен комментарий, которым Платон сопровождает сообщение данного факта: «И так, не входя в суждение сего, а, предоставив то единому всеведущему Богу, скажу только, что могут быть случаи, в кои клятва должна быть нарушена. Как-то Ирод, обещавшись с клятвою дать своей любовнице до полуцарства, несравненно лучше б сделал, если б сию незаконную клятву нарушил, нежели чтоб для сохранения сей клятвы пресвятого и неповинного Иоанна Крестителя умертвил» (I, 78—79).

Как видим, свои представления о нравственном долге Платон связывает в первую очередь с соблюдением важнейшей христианской заповеди, утверждающей безусловность сохранения человеческой жизни как высшей ценности.